

Startup Disk

Select a Startup Disk:

- ☐ Macintosh HD
- ☐ Infinite HD
- ☐ Saved HD

Graphics

1,150.4 MB in disk

847.9 MB available



Control Panels

18 items

4.4 MB in disk

34.9 MB available

- | | | | | | |
|------------------|----------------|-------------|----------------------|--------|----------|
| | | | | | |
| Brightness | Color | Easy Access | File Sharing Monitor | | |
| | | | | | |
| General Controls | Keyboard | Labels | Map | Memory | Monitors |
| | | | | | |
| Mouse | Network | Portable | Sharing Setup | Sound | |
| | | | | | |
| Startup Disk | Users & Groups | Views | | | |

Trash

0 items

Games

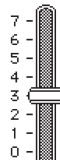
46 items

1,150.4 MB in disk

- | | | |
|----------------------------|--------------|-----------------|
| | | |
| 3wiz! | A-10 Attack! | Ambrosia Soccer |
| | | |
| Another World Battle Chess | Blobbo Lite | Bolo |
| | | |
| BOM | | |

Sound

Speaker Volume



Alert Sounds

- Droplet
- Indigo
- Quack
- Simple Beep
- Sosumi
- Wild Eep

**cory
doctorow**

**attack
surface**

**Кори
доктору**

**Площадь
атаки**

Перевела с английского

Елена Токарева

POPCORN BOOKS

Москва

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)-44
Д63

ATTACK SURFACE
by Cory Doctorow

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

В соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации отдельные фрагменты текста, содержащие информацию, не подлежащую распространению, были скрыты по согласованию с правообладателем.

Доктороу, Кори.

Д63 Площадь атаки: [роман] / Кори Доктороу ; пер. с англ. Е. Токаревой. — Москва : Popcorn Books ; Эксмо, 2025. — 560 с. — (Младший брат.)

ISBN 978-5-04-222950-3

Ты помогаешь системе. Ты борешься с системой. Вопрос в том, кто первым нажмет DELETE.

Маша Максимоу всегда знала, что делает. Она работала на элитную киберразведку в Ираке, Мексике, Словении — среди политических интриг и теневых операций. Создавала алгоритмы тотального контроля, делая систему всевидящей. Она верила, что сможет играть по своим правилам и оставаться на шаг впереди, но ошибалась. Все меняется: под прицелом оказываются те, кто ей дорог. Свободы больше нет: каждый звонок, сообщение, движение уже записаны. Соппротивление — это прямая дорога в тюрьму. Маша возвращается в Сан-Франциско, чтобы помочь друзьям. Перед ней выбор: снова служить системе — только так можно спасти тех, кого она любит, — или рискнуть всем, не предав себя... Если когда-то ты продал свою душу, можно ли ее выкупить обратно?

Тебя читают. Тебя вычисляют. Ты уже в их базе.

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)-44

Text copyright © Cory Doctorow, 2020
Cover design copyright © Richard Wilkinson, 2025
© Елена Токарева, перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ISBN 978-5-04-222950-3 ООО «Издательство «Эксмо», 2025. Popcorn Books®

Вам, разоблачители, тем, кто прислушивается к голосу совести и говорит правду. Дэниел Элсберг, Томас Дрейк, Челси Мэннинг, Билл Бинни, Эдвард Сноуден, Александр Никитин, аноним из «Панамского архива», многие другие — общество в неоплатном долгу перед вами. Вы рисковали свободой, судьбой, даже самой жизнью, чтобы донести до нас истину.

А также репортерам, которые помогали им раскрыть правду, особенно Дафне Каруане Галиции, убитой за то, что она выполняла свою работу. Светлая память.

Может быть, ваш пример вдохновит нас, и мы наберемся смелости разоблачать коррупцию везде, где увидим ее.

Моя единственная цель — рассказать людям о том, что
делается от их имени, и о том, что делается против них.

Эдвард Сноуден

ГЛАВА 1

Вот за что я люблю технологии — если использовать их правильно, они дают вам силу и преподносят как на ладони все чужие тайны. Я уже шестнадцатый час подряд сидела в телекоммуникационном дата-центре в Блтце, столице Словстакции. Разумеется, оба названия вымышлены. В отличие от многих моих знакомых, я умею хранить тайны.

Шестнадцать часов, затраченных на работу, которую, по заверениям моей начальницы нашему клиенту — словстактийскому министерству внутренних дел, — можно проделать часа за три. Она прекрасно умеет вести себя как сволочь там, где этого требует ситуация, иначе не поднялась бы на такую высоту в системе штази.

Однако было бы неплохо, если бы перед отправкой на задание она дала бы мне провести разведку в дата-центре. Беда в том, что вся телекоммуникационная инфраструктура Словстакции была выстроена задолго до падения Берлинской стены* и состояла в основном из медных проводов, обернутых в газету и обмакнутых в гуттаперчу**. После па-

* 9 ноября 1989 года.

** Гуттаперча — природный эластичный материал, использовавшийся для изоляции проводов и кабелей в XIX–XX веках.

дения стены все системы связи были переданы в любящие руки Антона Ткачи, который когда-то возглавлял контрразведку Советской Словстакии. На протяжении многих десятилетий все понимали, что нельзя отдавать телекоммуникации во власть некомпетентного, жадного клептократа, но 1990-е годы были не самым подходящим временем для проведения нормальной модернизации систем связи. Поэтому что интернет.

После устранения Ткачи — в 2005 году он был брошен за решетку, в 2006-м госпитализирован с «душевным расстройством», а в 2007-м погиб — словстакийское министерство связи сменило одного за другим сразу нескольких мобильных операторов: «Свисском», «Т-Моб», «Водафон», «Оранж» (помоги бог им всем), каждый из которых за немаленькие деньги поставил в страну свое самое раздолбанное оборудование, что-то вроде трижды заваренных чайных пакетиков, железки, побывавшие даже в зоне военных действий, и оставил свои системы плохо налаженными, слабо защищенными и почти не документированными.

Интернет в Словстакии работал через пень-колоду.

Короче говоря, моя начальница Ильза, Волчица СС, пообещала министру внутренних дел, что я управлюсь с работой за три часа, и министр внутренних дел позвонил министру связи и отдал приказ быть любезными с «американской леди», которая придет к ним с совершенно секретным заданием, и предоставить ей все необходимое. Могу сказать, что они восприняли поручение серьезнейшим образом: когда я пришла в главный дата-центр этой страны — огромное сооружение в бруталистском стиле, которое я не смогла не сфотографировать для своей коллекции «советских бруталистских зданий, за фотосъемку вас могут пристрелить» (хештег специально для лузеров, они добровольно подписываются

на длиннющие заголовки), — охранник за стойкой сразу же направил меня к директору по защите систем связи.

Его звали Литвинчук, и нервы у него были натянуты до предела. Почему я так решила? Да потому что он окружил себя собственным отрядом телекоммуникационной полиции, одетой как робокопы. Они стояли на карауле возле его двери, держа наготове ружья аж длиннее ног, и невыносимо воняли чесночной колбасой и потом, скопившимся под тысячью слоев кевлара*. Литвинчук радушно встретил меня, произнес длинную речугу о том, как он рад видеть (опять) в своем дата-центре новых заграничных консультантов, особенно из такой дорогущей компании, как «КЗОФ Интеллидженс».

— Нет, слово неправильное, — произнес он с густым акцентом в стиле Якова Смирнова (вообще-то господин директор получил степень магистра в Лондонской школе экономики; однажды я видела его выступление на конференции TEDx — он говорил как диктор Всемирной службы Би-Би-Си). — Эксклюзивной? Прославленной? — Он не сводил глаз с меня, а в особенности с моей груди, куда обычно адресовали свои слова все встреченные мной чиновники Словстакии. Я не стала скрещивать руки на груди.

— Бесславной, — подсказала я.

Он ухмыльнулся.

— Не сомневаюсь. Мисс Максимовв, — он произнес окончание моей фамилии очень твердо, как делали все к востоку от Франции, — нам всем очень радостно видеть вас в наших пенатах. Однако, я уверен, вы понимаете,

* Кевлар — сверхпрочный синтетический материал на основе арамидных волокон. Используется в бронежилетах, шлемах, авиации и других областях, требующих высокой прочности и защиты.

что мы должны тщательно регистрировать информацию о контрагентах, выполняющих работы на наших засекреченных системах. — Он придвинул ко мне бланк на нескольких страницах, соединенных скрепкой. Я досчитала до семи — это гораздо сподручнее, чем считать до десяти, и не менее эффективно — и взяла бумаги. Девять страниц, неаккуратно отксеренных, с вопросами типа «Список неправительственных и благотворительных организаций, куда вы делали взносы, прямо или косвенно».

— Нет, — ответила я.

Он продемонстрировал мне свою лучшую козью морду, которая наверняка сильно впечатляла крестьянских ребят, косящих судью Дредда в коридоре. Но я привыкла выдерживать взгляды Ильзы, Волчицы и т.д. и т.п., поэтому давно перестала реагировать на самые грозные движения глазных яблок.

— Вынужден настаивать, — сказал он.

— Я не заполняю анкеты такого рода, — заявила я. — Политика компании. «КЗОФ» получил от министерства внутренних дел всеобъемлющее разрешение на допуск в ваши служебные помещения для всех сотрудников. — Так оно и было. Я терпеть не могу всякие бумаги, а особенно вот такие — с вопросами, на которые ты не можешь полностью или честно ответить, так что если ты вдруг перейдешь дорогу кому не надо, то у них будет готовый повод обвинить тебя в должностном преступлении. К счастью для меня, политика «КЗОФ» безо всяких исключений запрещала техникам заполнять любые официальные документы, предложенные клиентами. Да, я буду делать заметки о своей собственной работе, но они попадут прямиком к моей начальнице — Ильзе, Волчице и т.д., — а та очистит их от всего лишнего и передаст обратно в министерство вну-

тренних дел, опустив ключевые детали, так что в будущем мы спокойно сможем выставить им счет за дальнейшее техническое обслуживание.

Я напустила на себя самый скучающий вид — это было нетрудно, мне и так было скучно до головной боли — и установилась на этого постсоветского телефонного комиссара.

— Я заполню анкету за вас, — сказал он.

Я пожала плечами.

Работал он быстро, ручка так и плясала по бумаге. Ему это явно было не впервой. Он передал мне анкету.

— Подпишите. — И улыбнулся. Совсем не по-доброму. Я опустила глаза. Весь текст был на кириллице.

— Не буду, — ответила я.

Его улыбка погасла.

— Мадам. — Прозвучало это скорее как «дамочка». Мне стало ясно, что мы вряд ли поладим. — Вы не войдете в мой дата-центр, пока мы не получим основную информацию. Таков наш протокол.

Он глядел на меня, скорчив козью морду еще страшнее, и откровенно ждал, что я потеряю терпение. Но я научилась справляться с подобными ситуациями задолго до того, как Ильза начала усиленно тренировать мой стоицизм. Вы не сильно продвинетесь в ДВБ, если не знаете, как обращаться с бюрократами. Я подпустила в свой взгляд еще немного скуки. Постаралась создать впечатление, что у меня гораздо больше свободного времени, чем у него, и я охотно потрачу его впустую.

Он протянул руку. Я думала, она будет вульгарная, короткопалая, но у него оказались пальцы как у пианиста и элегантнейший маникюр, такой, что мне невольно стало стыдно за свою вопиющую неженственность.

— Ваше удостоверение.

Для походов на клиентские территории «КЗОФ» выдает нам навороченные карточки с радиометками, голограммами, сапфировым покрытием на смарт-чипах — яркие игрушки, чтобы поразить простолюдинов. Такую я могу сварганить за полдня. Я отстегнула свою от ремешка и протянула ему.

Ручка заплясала снова в самом низу бланка, и через минуту он повернул бумагу ко мне. На строчке для подписи он добавил: «Подписано от имени Маши Максимоу». Молодец, борис. Хорошая шутка. Ну и мерзавец.

— Мы закончили?

Он тщательно отксерил бланки на настольном принтере-сканере-копире — таком, к которому я знала пять разных эксплойтов и при желании могла бы через него завладеть всей их сетью, — и протянул мне:

— Для вашей отчетности.

Я свернула листки вчетверо и сунула в задний карман.

— Куда идти?

Он сказал что-то по-русски, и один из штурмовиков, изнемогавший под тяжестью доспехов, повел меня в дата-центр. Я окинула взглядом бесконечные стеллажи с оборудованием, застегнула флиску, пожившись под ледяным ветром из кондиционеров, и принялась за работу. Три часа обещали быть долгими.

* * *

Покончив наконец с работой, я продрогла до костей и ругалась на чем свет стоит. Моя худи совершенно не подходила для такого климата, и я подозревала, что мой хамоватый друг с длинными пальцами нарочно приказал одному из своих бронированных борисов выставить термостат на субарктический уровень.

Но дело было сделано, тестовые сценарии проведены, и я встала со складного кресла, которое неизменно таскала с собой по коридорам дата-центра, перемещаясь от стеллажа к стеллажу, отслеживая провода, распутывая клубки и косяки, оставшиеся после криворуких подрядчиков.

Окинув взглядом свою работу, я испытала глубокое чувство... Честно говоря, глубокое чувство бессмысленности. Я ковырялась шестнадцать часов — ну, пятнадцать, если вычесть перерывы на еду и туалет, — для установки секретной сетевой аппаратуры «КЗОФ», и единственным видимым результатом моих трудов была непримечательная черная серверная коробочка высотой в один блок, установленная на нижнюю полку самого дальнего стеллажа. Такова была политика «КЗОФ» — ставить наше оборудование в самых неприметных местах, на случай если орды варваров свергнут нашего клиента-диктатора и возьмут штурмом дворец, ища телегеничные доказательства сотрудничества с коварными агентами вражеской разведки (то есть со мной).

Но сейчас надо отпраздновать. Я бросила взгляд через плечо. Робокобы взяли манеру стоять у меня за спиной, любуясь на задницу, пока я таскалась с креслом туда-сюда. Убедившись, что никого нет, наклонилась к мыскам, подметая пол волосами и с наслаждением чувствуя, как разминаются затекшие связки, как оживают плечи и шея. Встала, хрустнула пальцами, присоединила ноутбук к телефону и отыскала в сети роутер, который оставила утром в номере отеля, предварительно зарядив и успешно подключившись к гостиничному вайфаю, который (смотри выше) никуда не годился. Запустила на ноутбуке виртуальную машину, выбрала полностью заштопанную версию

последней бесплатной «винды» и из ее браузера вышла в фейсбук⁺.

Словстакийские повстанцы еще не поняли одну простую вещь: во время революции единственная реальная польза от фейсбука⁺ — служить площадкой, на которой людям объясняют, как пользоваться другими ресурсами, более защищенными, чем фейсбук⁺. Все их общение происходило в паре групп, куда они попадали через скрытый сервис фейсбука⁺ в Тор — старый добрый <https://facebookcorewwi.onion>⁺, что было сравнительно неплохой оперативной маскировкой (только, чур, я вам этого не говорила).

Но главная беда в том, что противник был намного, очень намного сильнее их. В данный момент ребятам приходилось бороться против лучших решений, какие мог предложить «КЗОФ» (по крайней мере, в ценовом сегменте немного выше среднего). И для отважных демонстрантов из Словстакии дела складывались хуже некуда.

Виртуальная «винда» на моей виртуальной машине вышла через гостиничную сеть в Тор — луковый роутер, систему, которая непрерывно перескакивает с одного сетевого соединения на другое по всему миру, шифруя каждый прыжок отдельно, поэтому пакеты, передаваемые пользователями, очень трудно отследить, перехватить или изменить. Оттуда я перешла в скрытую службу фейсбука⁺, даркнетовский сайт, базирующийся в хорошем — куда лучше этого — дата-центре, расположенном где-то в далеком уголке Орегона, где круглый год держится замечательно низкая температура (при проектировании здания, где бу-

⁺ Здесь и далее упоминается Фейсбук (Facebook) — название социальной сети, принадлежащей Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией на территории Российской Федерации.

дет работать множество перегретых компьютеров, естественное охлаждение помогает сэкономить немалые деньги).

Коснувшись алыт-таба, я переключилась на свой монитор и через нетуннелированный интерфейс на телефоне, соединенном с местной сетью, вызвала ту самую непримечательную коробочку. Этот сервер мог одновременно обрабатывать десять миллионов соединений, прочесывая все их потоковые пакеты с помощью машинно-обучаемых моделей, первоначально разработанных для распознавания раковых клеток на микрофотографиях (забавный факт). Разумеется, блок зарегистрировал существование ноутбука на стоковой «винде», стоящего в «Софителъ Блтц» и работающего через Тор. Он составил профиль машины по отпечаткам ее пакетов, провел быстрый поиск по клиентским базам программных интерфейсов «КЗОФ», нашел подходящий эксплойт для этой конфигурации и установил переадресацию на виртуальную машину моего ноута. Я закрепила окно монитора в верхней части десктопа и снова переключилась на виртуальную машину, глядя, как в поисковой строке браузера мигает безобидное на вид сообщение об ошибке. Перейдя в диагностический вид виртуальной машины, стала наблюдать, как внедренный пакет принимается за работу.

В нем использовалась уязвимость нулевого дня для Тор-браузера — всегда основанного на чуть-чуть устаревшей версии «Файерфокса» и потому беззащитного против вчерашних эксплойтов. Через эту прореху мой пакет вырвался из песочницы браузера на просторы операционной системы. Там он выпустил эксплойт более высокого уровня, тот атаковал «винду» и внедрил весьма устойчивый код, который мог обходить загрузочную проверку целостности, цепляясь к модулю, который загружается позже. Не прошло

и пяти секунд, как дело было сделано: виртуальная машина полностью скомпрометирована и уже пытается вцепиться в мою веб-камеру и микрофон, прочесывает жесткий диск в поисках интересных файлов, выуживает из браузера сохраненные пароли и загружает свой клавиатурный перехватчик. Но поскольку это происходило на виртуальной машине — не на настоящем «железе», а всего лишь в программе, притворяющейся компьютером, — то, к счастью, всего этого на самом деле не случилось.

Теперь пришло время настоящей проверки. У секретного блока был режим, позволяющий просеивать весь исходящий и входящий сетевой трафик, выискивая заданные электронные адреса и имена пользователей, чтобы обнаружить требуемых людей. Я задала ему электронный адрес Литвинчука и стала ждать, пока его компьютер проявит себя. Это заняло меньше минуты — его комп обращался к министерскому почтовому серверу каждые шестьдесят секунд. Через две минуты я уже взяла под управление его компьютер, изучала его порнографические пристрастия и скачивала историю поиска. Для этого у меня был полезный скрипт — он обнаруживал в целевом компьютере все, что упоминало меня, потому что я любопытная стерва, а они пусть держат ушки на макушке.

Литвинчук, что предсказуемо, увлекался всякими гадами — ну почему им всем нравится, когда на них пишут? — и очень много гуглил про меня. А еще он подослал тайного агента обыскать мою комнату; а еще они пытались отслеживать местонахождение моего телефона, установив какую-то дурацкую сетевую приспособу, которую я уже обнаружила в ходе своей эпической отладочной сессии в дата-центре. Я могла бы скормить этой приспособе ложные данные, но предпочла просто выключить ее, ибо пошли

они к черту. Скачала полгигабайта видео Литвинчука с ног до головы в плотном латексе, блестящем от мочи, потом встала, опять потянулась и захлопнула крышку.

* * *

Мои приключения начались накануне в четыре часа вечера. Сейчас было восемь утра, а значит, число демонстрантов на главной площади сократилось до минимума. Все самое интересное происходило по ночам, когда под покровом темноты строились баррикады и поднимало голову вселенское зло. В те же часы на улицах появлялись провокаторы и неофашисты — часто в одном лице, — и самым настойчивым манифестантам приходилось работать с удвоенной силой.

На обратном пути я позвонила в «Софитель» и заказала еду в номер. У них были только завтраки, а я хотела поужинать, поэтому заказала тройную порцию и долго объясняла, почему мне нужен только один комплект столовых приборов.

Я прибыла к дверям номера одновременно с растерянным посыльным. Помахала ему, отперла дверь карточкой, вошла вслед за ним и его тележкой. Он был типичным мальчиком на побегушках, каких полным-полно в любом отеле. Раньше, видимо, работал в грубой силе советских времен — тяжелой промышленности, но, когда все производства переехали в Китай, скатился до перевозчика тележек с едой. Такие типы обычно не говорят по-английски, в отличие от своих сыновей, прекрасно освоивших международный геймерский язык, язык летсплеев и имиджбордов.

— Добре, — сказала я. — Паджалста. — Взяла у него счет и добавила десять евро чаевых. В «Софителе» все цены были указаны в евро — с тех пор, как рухнула местная валюта.

В этой командировке я даже не заморачивалась с обменом наличных, однако приобрела банкноту в 10 000 000 000 динаров у шустрого уличного торговца, специализировавшегося на туристах. Мне понравилась изображение оперного театра на обороте, однако на передней стороне красовался стереотипный борис со сросшимися бровями и толстыми пальцами. Все время забывала поискать его в интернете, однако не сомневалась, что его превозносят за какие-нибудь ужасные деяния, например истребление армян или сотрудничество со Сталиным.

Четыре часа спустя зазвонил будильник. Я отыскала купальник, водостойкий МРЗ-плеер и гостиничный халат, убедилась, что все мои гаджеты выключены и их USB-разъемы закрыты заглушками, и направилась в бассейн.

Плавание, даже под громкую музыку, всегда взбаламучивает мне подсознание, и от скуки оно начинает заглядывать в давно заброшенные уголки. Так что примерно на пятидесятом круге (бассейн был маленький) я вспомнила о событии, которое должно было происходить как раз сегодня. Мысленно подсчитала разницу во времени и поняла, что еще успею что-нибудь предпринять. Черт бы их всех побрал. Я вылезла из воды и побрела к полотенцу.

Оставляя мокрые следы, я вернулась в номер, уселась за стол и включила телефон, чтобы взглянуть на фотографии шурупных головок ноута. Я покрыла все шурупы глиттерным лаком для ногтей и сфотографировала каждый крупным планом, снабдив небольшими ярлычками, так что теперь я могла легко проверить, не развинчивал ли кто-нибудь мой ноутбук, чтобы поставить внутрь что-нибудь ненужное, например клавиатурный перехватчик или кусок пластиковой взрывчатки с пакетиком гвоздей. Для верификации двух шурупов из семи я использовала общедоступ-